

- 3 Сатур Ж. К экономической теории неоднородных систем : Опыт исследования децентрализованной экономики / пер. с фр. под науч. ред. Н. А. Макашевой. М., 2001. С. 150, 161.
- 4 Мильнер Б. З. Управление знаниями. М., 2003. С. 58.
- 5 Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966. С. 43.
- 6 Аристотель. Аналитики. Первая и вторая. М., 1952. С. 249.
- 7 Немчинов В. С. Избранные произведения : в 6 т. М., 1967–1969. Т. 3. С. 12.
- 8 Экономика знаний / отв. ред. В. П. Колесов. М., 2008. С. 6–7.
- 9 Foskett A. C. The subject approach to information. Connecticut, 1982. P. 1.
- 10 Развернутая характеристика разных теорий постиндустриального общества дана в работах В. Л. Иноземцева. См., например: Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество : природа, противоречия, перспективы. М., 2000 ; Он же. За пределами экономического общества. М., 1998.
- 11 Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.
- 12 Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 95.
- 13 См., например: Михайлов А. М. Влияние на процессы глобализации трансформации взаимодействия факторов производства в постиндустриальном обществе // Экономические науки. 2008. № 6.
- 14 См.: Шенникова Е. С. Знания как объект теоретического анализа // Экономические науки. 2009. № 3. С. 93.
- 15 См.: Михайлов А. М. Указ. соч. С. 50.
- 16 Клейнер Г. Микроэкономика знаний и мифы современной теории // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 32.
- 17 Елецкий Н. Переход к глобально-информационному способу производства и модификация общей экономической теории // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2. С. 24.
- 18 См.: Макаров В. Л. Справочник экономического инструментария. М., 2003.
- 19 См.: Нижнегородцев Р. Эволюционный подход и перспективы развития информационной экономики / Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С. 115.
- 20 Дятлов С. А. Информационный императив и глобальный кризис рыночной цивилизации // Экономическая теория на пороге XXI века / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2000. С. 244.
- 21 Туфетулов А. М. Информационная экономика и информационное общество. URL: <http://www.ieml.ru/economproblem/2007/3/t6.html> (дата обращения: 19.09.2011)
- 22 С этой точки зрения не совсем понятным является утверждение, что экономика, основанная на знаниях, является высшей формой информационной экономики (см.: Туфетулов А. М. Указ. соч.) и предложение некоторых исследователей о необходимости перехода от информационной экономики к экономике, основанной на знаниях (см.: Арыстанбекова А. Экономика, основанная на знаниях // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 32 ; Логинов Е. Л. Парадигма информатизации : критический бифуркационный порог развития мирового сообщества // Финансы и кредит. 2007. № 15. С. 7 ; Шерешева М. Ю. Соотношение понятий «информационная экономика» и «экономика знаний» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2008. № 5. С. 31).
- 23 См.: Поланьи М. Личностное знание. М., 1985.
- 24 См.: Розанова Н. Конкурентные взаимодействия в отрасли информационных технологий : мировой опыт и Россия // Вопр. экономики. 2009. № 10. С. 91.

УДК 330.83

НЕОМАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СССР: МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

Г. А. Черемисинов

Саратовский государственный университет,
E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматриваются методологические и теоретические аспекты исследования развития экономики СССР с позиции неомарксистского миросистемного анализа И. Валлерстайна.

Ключевые слова: историко-экономическая интерпретация, экономика СССР, неомарксистский миросистемный анализ И. Валлерстайна.

**Neo-Marxist Interpretation of Development
of Economy USSR: World-System Analysis by I. Vallerstein**

G. A. Cheremisinov

Methodological and theoretical aspects of research of development of economy USSR from the position of Neo-marxist

world-system analysis by I. Vallerstein are considered in the article.

Key words: historical-economic interpretation, economy USSR, Neo-marxist world-system analysis by I. Vallerstein.

Решение научных проблем экономической истории России XX века зависит не только от массива собранного фактического материала, но и от методов теоретического осмысления добытых фактов, используемых понятий, моделей, концепций. Выбранный ракурс исследования во многом предопределяет полученные результаты.

Интересным и перспективным направлением исторического познания представляются концептуальные построения, сочетающие теоретические обобщения, моделирование социально-экономических процессов с серьезным фактографическим трудом. Среди таких потенциально плодотворных течений историко-экономической мысли, несомненно, выделяется миросистемный анализ И. Валлерстайна. «Инвентаризация» исходных предпосылок, логики формулируемых положений, обоснованности выводов рассматриваемой теории применительно к опыту нашей страны способствует пополнению методологического арсенала отечественной исторической науки.

Значение Советского Союза в миросистемном анализе И. Валлерстайна определяется несколькими отправными пунктами. Прежде всего, хронологические рамки современной стадии развития мира-экономики характеризуются историческим местом СССР, «коммунистической эпохой», началом которой автор считает Первую мировую войну и русскую революцию 1917 г., а завершением – «коллапс коммунизма» в Центральной и Восточной Европе и распад СССР (1989–1991 гг.)¹.

Принципиальная установка заключается в утверждении, что СССР всегда был частью и участником капиталистической мирозкономики, никогда не находился вне нее. Отсюда следует признание преемственности в истории нашей державы и указание на ее место в международном хозяйстве: «Советский Союз до 1991 г. и Россия сегодня могут быть помещены в категорию полупериферийных государств в капиталистической мирозкономике, причем их политическое влияние в очень большой степени основывалось на мощи их военного аппарата. Это, между прочим, было справедливо и для царской России. Россия/СССР пытались использовать эту политико-военную мощь для осовременивания тех видов деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая таким образом уровень накопления капитала»².

Особо отмечается, что Советский Союз был наследником русской революции и марксизма-ленинизма (большевизма) как идеологии. Часто и намеренно данный факт неверно интерпретируют и сторонники, и оппоненты радикального учения. Посему в задачи миросистемного анализа входит изучение опыта марксизма-ленинизма в истории антисистемных движений капиталистической мирозкономики³.

Если сформулировать вопрос: правомерно ли объяснять экономическую историю СССР стремлением правящей власти реализовать идеологию (стратегию) марксизма-ленинизма (социализма, коммунизма), то теоретические изыскания И. Валлерстайна дают повод ответить на него отрицательно.

Образы, при помощи которых И. Валлерстайн характеризует идеологическую сферу, достаточно точны: «скорлупа», «надстройка», «покров»,

оформление политики и интересов социальных сил. Ее главная задача – внедрить в массовое сознание желаемые культурные нормы, образцы поведения, которые обеспечивали бы признание легитимности, справедливости или, наоборот, неправомерности, несправедливости проводимой политики.

Идеология апеллирует скорее к эмоциям, чем к разуму, формулируется риторикой, а не научным дискурсом. Поэтому компоненты «начинки» (цели и содержание) реальной политики могут иметь мало общего со своей идеологической «оберткой». Стало быть, изучение экономической истории с сугубо идеологических позиций едва ли будет плодотворным по причине несоответствия теоретико-методологических посылок предмету исследования; идеология и экономика – разные сферы общества с непохожими закономерностями.

При описании социально-экономической истории И. Валлерстайн вполне оправданно задвигает на задний план, как мало относящуюся к делу, идеологию марксизма-ленинизма и ведет речь о стратегии экономического развития – «девелопментализме»⁴.

Для интерпретации современной истории миросистемы и нашей страны социолог воспользовался оригинальными терминами. Прежде всего, он определяет эпоху как коммунистическую интерлюдия⁵. Автор декларирует: «Я буду считать такой интерлюдией период между ноябрем 1917 г. (так называемая Великая Октябрьская революция) и 1991 г., годом роспуска Коммунистической партии Советского Союза (в августе) и распада самого СССР (в декабре). Это период, когда в России и ее империи, в Центральной и Восточной Европе, существовали государства, управляемые коммунистическими или марксистско-ленинскими партиями. <...> Но эпоха, в которую существовал „блок социалистических государств“, <...> завершена. Также <...> закончилась эпоха, когда марксизм-ленинизм был идеологией, пользующейся значительной поддержкой»⁶.

Термин «интерлюдия» фактически характеризует историческое место периода; то есть было время, предшествовавшее эпохе существования блока государств с марксистско-ленинской идеологией, а сегодня мы живем уже в следующем временном периоде. Специфическим моментом рассматриваемой эпохи были «социалистические эксперименты» в миросистеме под эгидой марксизма⁷.

Однако при ближайшем изучении выясняется, что политика антисистемных движений опиралась не на догматы марксизма-ленинизма, а на идею экономического развития страны, то есть на фундаментальную и долгосрочную стратегию. Не случайно автор вводит понятие геокультуры развития – исторической формы культурного давления во всех государствах с целью обеспечения программы «модернизации» или «развития»⁸.

Экономическую историю СССР некорректно интерпретировать как воплощение «заповедей» марксизма-ленинизма; она постижима посредством рабочей гипотезы (предположения) о реализации стратегии ускоренного экономического развития и изменения позиций державы в миросистеме. Соответственно, исходным пунктом анализа служит полупериферийное положение России/СССР в международном разделении труда. Траектория экономической истории обуславливалась статусным местом страны, а вектор политики правящей власти определяло желание достичь уровня ведущих стран сердцевины мира-экономики.

Отказ от доминирования идеологических установок расширяет спектр потенциальных возможностей миросистемной концепции, подвигает к применению ее в качестве инструмента историко-экономического исследования. И. Валлерстайн констатирует, что Россия/СССР пытались использовать политико-военную мощь для осовременивания тех видов экономической деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая уровень накопления капитала. И от Екатерины II до С. Ю. Витте, затем до И. В. Сталина и до нынешнего дня российское государство достигало неустойчивых и сомнительных успехов в таких попытках⁹.

Даже при сжатии временного горизонта теоретического экскурса – с двухсот лет до столетия – сохраняется историко-экономическая преемственность вне зависимости от идеологических «покровов» хозяйственной политики. Данный вывод подтверждают слова автора: «Факт состоит в том, что Россия была полупериферийной страной, и ее руководители (здесь существовала преемственность от Витте до Сталина) определяли быструю индустриализацию в качестве приоритета с точки зрения места страны в миро-экономике. Ленинский лозунг „коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны“ до совсем недавнего времени продолжал висеть в Москве на больших транспарантах. Все руководство верило в „социалистическое накопление капитала“ и вплоть до 1980-х гг. гордилось успехами в достижении этой цели»¹⁰.

История «коммунистической интерлюдии 1917–1991 гг.» вполне объяснима без привлечения идеологического фактора, что показывает научный анализ ученого-марксиста. Иллюстрацией тому служит следующий пассаж: «Русская революция была революцией в полупериферийной стране, соотношение внутренних сил в которой было таково, что с конца XIX в. она начала соскальзывать к периферийному статусу. Это было результатом заметного проникновения иностранного капитала в промышленный сектор (что вело к устранению из него всех местных капиталистических сил), сопротивления механизации сельскохозяйственного сектора, упадка относительной военной мощи (продемонстрированного поражением в войне с

Японией в 1905 г.). Революция привела к власти группу государственных управленцев, которые обратили все эти тенденции вспять, используя классические технологии меркантилистского полу-ухода из миросистемы. В этом процессе страна, которая теперь стала СССР, мобилизовала существенную народную поддержку, особенно среди городского населения. В конце Второй мировой войны Россия восстановила свое положение как очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине»¹¹.

Едва оправившись после революционных потрясений, Советская Россия устремилась к всеобъемлющей интеграции в миросистему, подписав в 1922 г. в Рапалло договор с Германией. СССР вступил в 1933 г. в Лигу наций (и сделал бы это раньше, если бы ему это позволили). Позднее он заключил союз с Западом во Второй мировой войне, стал соучредителем ООН, а в период после 1945 г. беспрестанно добивался признания у всех (и в первую очередь у США) в качестве одной из двух мировых великих держав. Предпринимавшиеся усилия с трудом поддаются объяснению в терминах марксизма-ленинизма, но вполне понятны как политика военной державы в рамках миросистемы¹².

Полупериферийное положение, а отнюдь не идеологическое противоборство обуславливало конфликтность истории нашей державы. В полупериферийных странах определенные группы часто старались усилить государственную машину с целью изменить национальную структуру производства и тем самым изменить свое место в мировом разделении труда. Подобные устремления полупериферийных государств, в том числе Советского Союза, наталкивались на встречное давление держав центра и были источником постоянной военной напряженности в межгосударственной системе¹³.

Жестокая конкуренция, непрекращающееся давление государств сердцевины на нашу страну экономическими, политическими, военными средствами дают основание рассматривать чрезвычайные, революционные системные кризисы и трансформации, происходившие в России, в виде закономерного сочетания внутренних и внешних причин и объективно обусловленного стечения обстоятельств.

Переходя к обзору отдельных периодов истории СССР, И. Валлерстайн констатирует враждебность его внешнего окружения. Так, в период 1933–1941 гг. несомненным фактом были маневры Германии, США, Великобритании и Франции в поисках способов разрушить Советское государство. Угрожающая геополитика придавала сталинизму известную легитимность в глазах народа, которую мощно усилила Великая Отечественная война¹⁴.

Экономический прогресс, достигнутый в сталинскую эпоху, обеспечил уровень благосо-

стояния народа, необходимый для упорядоченного окончания сталинизма и начала постепенной демократизации. Новаторство Н. С. Хрущева выразилось в желании представить интересы профессиональных управленцев, чаявших гарантий против террора и роста потребления¹⁵.

Размышления американского социолога необычны и дают повод для определенных обобщений. Он пишет: «Двумя элементами, которые не принял во внимание Хрущев, были уровень урбанизации и изменение характера рабочей силы в СССР и циклические ритмы капиталистической мирэкономике. Открыв в СССР (и, соответственно, в странах СЭВ) возможности определенной либерализации и роста потребления, Хрущев очень сильно недооценил объем спроса. Давно стало общим местом социологического анализа утверждение, что государству проще быть полностью репрессивным, чем предложить небольшое, но неадекватное пространство для политического и культурного плюрализма. Открытие небольшого пространства возбуждает аппетит, не удовлетворяя его, и поощряет требования большего. Сколь большое пространство необходимо для возврата политического спокойствия, трудно оценить, но ясно, что Хрущев предложил слишком мало. <...> Брежневизм представлял собой попытку загнать джину обратно; как мы знаем, такого рода попытки всегда оказываются безуспешными»¹⁶.

По окончании Второй мировой войны количество «экспериментов» под эгидой марксизма многократно возросло благодаря успехам антисистемных движений «старых левых», пришедших к власти в различных регионах планеты. Хронология их миросистемного анализа охватывает полувековой период 1945–1991 гг. – две фазы большого цикла: устойчивый рост мирового хозяйства на волне долгосрочного подъема экономической конъюнктуры до 1970-х гг. и наступивший затем период ухудшения условий экономического развития.

Между 1945 и 1970 г. были предприняты значительные усилия по распространению средств производства и подъему его уровня по всему миру. В это время показатель ВВП (валового национального продукта) в абсолютном выражении и в расчете на душу населения стал основным инструментом измерения экономического развития. Очерченный период оказался А-фазой кондратьевского цикла с необычной амплитудой. Темпы роста сильно различались в разных частях мира, но везде показатели шли вверх; не на последних местах были социалистические страны. Тот же период был временем политического триумфа большого количества движений в третьем мире, которые использовали стратегию борьбы за государственную власть с целью осуществления политики национального развития. Девелопментализм стоял в повестке дня, по поводу его необходимости и возможности существовал общемировой консенсус¹⁷.

Экономически СССР пошел по классическому пути догоняющего развития через индустриализацию и продвигался по нему уверенно, принимая во внимание все помехи и стоимость разрушений в годы Второй мировой войны. Весьма впечатляющие на общемировом фоне достижения СССР использовал, чтобы убедить страны-сателлиты идти тем же путем. Хотя для некоторых из них в этом не было смысла, они усердно начали дело. Но экономика была примитивной, и не потому, что не оставляла достаточно места для частных предприятий, а потому, что стремление «догнать» считалось реалистичной политикой, а индустриализация – способом обеспечить экономическое будущее¹⁸.

Неординарные темпы подъема экономики Советского Союза основывались на неэффективном, экстенсивном экономическом росте с высокой трудоемкостью. Временно, пока мир-экономика расширялся, увеличивалось отечественное производство ВВП на душу населения. Но неэффективность методов означала, что они достигли своего предела. Уровень жизни в СССР повышался медленнее, чем в странах центра, хотя и не отставал от большей части периферии. Раньше или позже социалистические экономики не смогли бы удовлетворить ожидания улучшений благосостояния широких слоев, достаточно хорошо информированных, чтобы осознавать существование разрывов¹⁹.

Оптимизм периода 1945–1968 гг. исчез в 1970–1980-х гг., в Б-фазе кондратьевского цикла. Переход к мировой экономической стагнации сопровождался двумя драмами: повышением ОПЕК цен на нефть в 1970-х и кризисом задолженности в 1980-х гг. Не все страны пострадали в равной мере. Подъем нефтяных цен означал перераспределение весомой доли мирового прибавочного продукта в пользу государств-экспортеров нефти и утечку средств из стран третьего мира и социалистических стран, не производивших нефти. Отток средств из индустриально развитых стран был краткосрочным, поскольку там имелись резервы реструктурирования энергопотребления.

Прибавочный продукт через нефтепроизводящие страны перераспределялся по трем направлениям. Часть его была использована на программы «национального развития» нефтеэкспортирующих государств, в том числе СССР. Изрядная доля нефтедолларов была потрачена на массивное потребление предметов роскоши, то есть на перевод их в страны ОЭСР посредством покупки товаров, капиталовложений и индивидуального вывоза капитала. Остальные деньги были размещены в банках США и Европы и перенаправлены в третий мир и социалистические страны в виде государственных займов. Займы помогли правительствам на время оттеснить оппозицию и использовать деньги на поддержание импорта, даже в условиях падавшего экспорта, что, в свою очередь, поддерживало

мировой спрос на промышленные товары стран ОЭСР, уменьшало влияние на них всемирной экономической стагнации.

Падение темпов роста в сочетании с истощением финансовых и социальных резервов породило в 1980-х гг. каскад экономических трудностей в странах периферии и полупериферии. Нарастание задолженности по внешним займам привело к принципиальной неспособности обслуживать долг, не говоря уже о его выплате. К должникам страны ОЭСР повернули свое жестокое финансовое лицо. Столкнувшись с собственными экономическими трудностями, правящие власти сердцевины мира-экономики не захотели с пониманием и терпением отнестись к финансовым проблемам третьего мира и социалистических правительств. Последним были предъявлены ультимативные условия МВФ, которые надо было выполнить для получения смехотворной по объемам помощи, их стали поучать о добродетелях рынка и приватизации. Кейнсианская снисходительность 1950–1960-х гг. отошла в прошлое²⁰.

Когда в мире-экономике наступил спад, экономические процессы в социалистических странах принципиально не отличались от того, что творилось в третьем мире. Социалистические страны столкнулись с проблемами при продаже своих товаров на международном рынке, оказались неконкурентоспособными. Они страдали от инфляции и падения уровня жизни и были вынуждены искать выход в либерализации национальных рынков. Растущая открытость экономик социалистических стран лишь слегка ослабила их тяготы²¹.

Способом уменьшить ущерб от долговременной стагнации было военное кейнсианство Р. Рейгана, которое питало спекулятивный бум 1980-х гг. в США. Эта политика потерпела крах в конце 1980-х гг., утянув за собой СССР. Еще одну попытку преодоления кризисных тенденций предприняла Япония вместе с восточноазиатскими «драконами» и рядом сопредельных государств. Она вдохновлялась стремлением получить выгоды от неизбежного перемещения производства в условиях Б-фазы кондратьевского цикла. Пределы таких усилий обозначились в 1990-е гг. Нетто-результатом 25 лет экономической борьбы стало всемирное разочарование в обещаниях, связанных с концепцией развития, которую сменили разговоры о глобализации экономики²².

Резюмируя обзор итогов политики «девелопментализма», И. Валлерстайн пишет: «Итак, мы ищем альтернативы, которые, однако, все еще часто формулируются как альтернативные пути к „национальному развитию“. Вчера государственное планирование и замещение импорта, сегодня структурная перестройка (или шоковая терапия) и экспортно ориентированная рыночная специализация. А кое-где – какой-то невнятный третий путь. Мы движемся от заклинания к заклинанию, безумно, отчаянно, иногда цинично. В ходе этого

процесса у немногих дела идут хорошо или еще лучше, но у большинства – нет»²³.

Повсюду последствия велики, особенно негативны они для «старых левых» – для национально-освободительных движений, коммунистических партий (коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР), для социал-демократов. Стало быть, история организаций антисистемных движений была историей гигантских тактических успехов и столь же гигантских стратегических провалов²⁴.

Ученый-социолог полагает, что «мы должны переоценить социалистические эксперименты, осуществленные под эгидой марксизма-ленинизма, рассматривая их как исторически объяснимый, но преходящий феномен в историческом развитии современной миросистемы. Дело не в том, что они не удались. Термины „не удались“, „провалились“ подразумевают, что существовали убедительные исторические альтернативы. Я считаю, что таких убедительных альтернатив не существовало – ни социал-демократии, которая возникла в западном мире, ни марксизму ленинизму, который укрепился в СССР и затем в Китае, ни национально-освободительным движениям, пришедшим к власти в третьем мире. <...> Три вида движений фактически представляли лишь три варианта одной стратегии: захват государственной власти партией, заявляющей себя выразителем народной воли и использующей государственную власть, чтобы „развить“ страну. Эта стратегия оказалась неработоспособной. <...> Движения не должны быть обвиняемы за то, что они были продуктом исторических ограничений своего времени»²⁵.

Осуществление социалистических экспериментов стало возможным лишь после «огосударствления» антисистемных движений. Поэтому исследование роли государства в мироэкономике необычайно актуально.

Государственные структуры – неотъемлемый элемент мира-экономики, и их значение усиливается. Эту тенденцию отмечает И. Валлерстайн, говоря, что уровень внутреннего порядка миросистемы всегда подвержен флуктуациям, и Б-периоды печально известны как момент трудностей. Но в системе в целом на протяжении 400–500 лет порядок постоянно возрастал, что можно назвать феноменом роста «государственности»²⁶. Кроме того, все ведущие идеологии формально были антигосударственными, а на практике работали на укрепление государственных структур²⁷.

Автор миросистемной концепции предложил интересный ракурс плодотворного исследования роли государства в экономике. По его мнению, наша межгосударственная система эволюционировала как надстройка капиталистического мира-экономики, и именно этот факт объясняет специфику современного государства и современной межгосударственной системы²⁸.

Вполне аргументированным надо признать вывод теоретика о том, что советский опыт – антисистемное движение, приходящее к власти и заметно усиливающее государственную машину – не искажение, а результат действия глубоких структурных сил, влияющих на сами социальные движения²⁹. Государственный аппарат в СССР стал сильнее, чем он был в имперской России. Огосударствление экономики нашей страны было обусловлено глубиной кризисных социально-экономических трансформаций в ходе Первой мировой и Гражданской войн.

Укрепление позиций государства в советской экономике, по убеждению И. Валлерстайна, не вывело ее за рамки миросистемы. СССР всегда оставался частью и участником капиталистической мироэкономики. Точно так же, как и другие страны, руководимые коммунистическими режимами, Советский Союз принуждался к отказу от некоторых форм «отклоняющегося» поведения и к поступкам, общепринятым в миросистеме. Поэтому использование в качестве официальной идеологии марксизма-ленинизма еще не означало воплощение идей социальной справедливости.

Американский социолог высказывает сомнения по поводу «социалистического» характера политики антисистемных движений, проводившейся под лозунгами марксизма-ленинизма: «Там, где партии Третьего Интернационала пришли к власти (какими бы методами это ни осуществлялось), они так или иначе принимали законодательство, кладущее конец капитализму (в узком смысле, то есть отменяя частную собственность на большинство производительных предприятий). Устанавливали ли они социалистическое общество, было предметом споров в течение вот уже 70 лет, и больше всего в последние годы»³⁰.

По разумению автора, национализация предприятий вовсе не делает их участие в мироэкономике, не отвечающим способу функционирования капиталистической рыночной системы. Они стремятся к растущей эффективности производства с целью реализовать максимальные цены продажи, достигая таким образом более выгодного распределения прибавочного продукта мира-экономики³¹.

В этой связи встает вопрос о типологической характеристике и интерпретации истории директивно-плановой экономики СССР. За ответом на него можно обратиться к самому основателю учения марксизма-ленинизма. Литературное наследие В. И. Ленина выходит за рамки интерпретации марксизма, оно содержит множество научных положений, которые могут обогатить развитие современной историко-экономической науки. В частности, герменевтическая обработка ленинских работ позволяет изменить концептуальное видение и понимание периода советской директивно-плановой экономики. Достоянием внимания брошюра «О продовольственном налоге», написанная в апреле 1921 г. с целью объяснения

необходимости перехода к новой экономической политике. Сопоставляя ряд представленных в ней авторских высказываний, допустимо интерпретировать понятие «социализм» почти как синоним понятия «государственный капитализм»³².

Отсюда уже недалеко до определения советской системы экономики как разновидности государственно организованного капитализма на базе новейшей техники и директивно-планового управления крупномасштабным производством. Или, быть может, корректнее использовать понятие «государственное предпринимательство» вместо терминов «капитализм» и «социализм» для характеристики ведущего уклада в ленинской модели многоукладной экономики?

Исходными теоретическими предпосылками концепции государственного предпринимательства в российской экономике служат взаимосвязь хозяйственной и управленческой деятельности государства, иерархическое и финансовое господство государственного аппарата в системе экономических отношений, решающее значение бюджета в формировании сферы государственного предпринимательства, историческая обусловленность самодовлеющей роли государства в экономике России.

Понятие государственного предпринимательства имеет общетеоретическое и методологическое значение, его допустимо воспринимать как типологический признак развития отечественной экономики. Таким образом, происходит расширение герменевтического горизонта экономической истории, ибо истоки российского государственного предпринимательства восходят к временам Петра I. Предлагаемый подход позволяет объяснить приверженность российской верховной власти политике поощрения накопления капитала, индустриализации, ускоренного экономического роста державы с XVIII века до наших дней, о чем упоминалось выше в цитате И. Валлерстайна.

Применение концептуальных положений миросистемного анализа не следует ограничивать экономической историей Советского Союза. Последовавший за распадом СССР период системных кризисных социально-экономических трансформаций России подтверждает познавательный потенциал указанного направления общественно-научного знания. В частности, чрезвычайное «разгосударствление» и свертывание государственного присутствия в отечественной экономике сопровождалось деградацией отраслевой структуры, падением уровня жизни сокращающегося по численности населения, «третьемиризации», соскальзыванием России со статуса полупериферийной державы в когорту периферийных стран.

Актуально звучат размышления И. Валлерстайна о взаимозависимости силы государственного аппарата и статусного положения страны в центр–периферийной иерархии мира-экономики. Силу определяет не степень деспотичности и жестокости центральной власти, а ее способ-

ность собирать налоги в соответствии с доходами и имущественными возможностями граждан и юридических лиц.

По разумению ученого-социолога, чем слабее государство, тем меньше средств можно накопить, занимаясь экономически продуктивной деятельностью. Поэтому государственный аппарат становится одной из важнейших, а то и важнейшей структурой в процессах обогащения путем жульничества и взяточничества на различных уровнях. Это имеет место и в сильных государствах, но в слабых становится излюбленным методом накопления капитала, который отвлекает государство от других дел. Когда государственная машина нацелена на капиталистическое обогащение, обычная процедура смены власти отходит в сторону, а результаты выборов подтасовывают (если выборы проводят вообще), растет роль военных, потому что при смене власти без них, как правило, не обойтись. Теоретически на законных основаниях силу могут применять только государства в лице проводников властной монополии – военных и полицейских. На практике же чем слабее государство, тем размытей силовая монополия. Если политические лидеры с трудом контролируют ситуацию в стране, то у силовиков появляется соблазн взять власть в свои руки, как только режим окажется не способным обеспечивать общественный порядок.

Все это происходит не из-за ошибок в политике, а из-за слабости государственных структур в регионах с периферийными производственными процессами – плохими источниками накопления капитала. Если государство обладает ресурсами, которые дорого стоят на мировом рынке, то казенный доход, по существу, является рентой, и здесь непосредственный контроль над аппаратом также гарантирует, что весомая часть этой ренты может просачиваться в частные руки. Неудивительно, что в таких государствах часто к власти приходят военные³³.

Рентноориентированную специализацию современной экономики России и рентноориентированное поведение нынешней российской власти следует признать аномальным состоянием, характерным для периферийных государств. Складывавшийся на протяжении нескольких веков статус России как сильной державы полупериферии несовместим с проводимой на рубеже XX–XXI вв. государственной политикой. Кардинальная смена выбранного политического курса объективно неизбежна по причине долгосрочных закономерностей экономического раз-

вития. Вопрос заключается в том, какие силы и когда займутся осуществлением назревших преобразований.

Примечания

- ¹ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 51, 182, 371.
- ² Там же. С. 14.
- ³ Там же. С. 14–15.
- ⁴ Переводчики не рискнули предложить адекватный русскоязычный термин и сохранили транслитерацию с английского языка – «developmentalism» – «девелопментализм» и производное от него «девелопменталист» (см.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем ... С. 12).
- ⁵ Интерлюдия (лат. *inter* – между и *ludus* – игра) – небольшая музыкальная пьеса или связующее построение, исполняемые между актами оперы или драмы или между основными частями музыкального произведения.
- ⁶ *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем ... С. 371.
- ⁷ Там же. С. 250.
- ⁸ Там же. С. 215.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 256.
- ¹¹ Там же. С. 51.
- ¹² Там же. С. 379.
- ¹³ Там же. С. 390.
- ¹⁴ Там же. С. 257.
- ¹⁵ Там же. С. 260, 261.
- ¹⁶ Там же. С. 261–262.
- ¹⁷ Там же. С. 159.
- ¹⁸ Там же. С. 381.
- ¹⁹ Там же. С. 262.
- ²⁰ Там же. С. 162, 163, 337.
- ²¹ Там же. С. 263.
- ²² Там же. С. 338.
- ²³ Там же. С. 215.
- ²⁴ Там же. С. 369–370.
- ²⁵ Там же. С. 264.
- ²⁶ Там же. С. 365.
- ²⁷ Там же. С. 193.
- ²⁸ Там же. С. 389.
- ²⁹ Там же. С. 391–392.
- ³⁰ Там же. С. 252–253.
- ³¹ Там же. С. 55.
- ³² *Ленин В. И.* О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 43. С. 210–227.
- ³³ *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ : Введение. М., 2006. С. 137–138.